

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК
ВЫПУСК 11 (74)

ИСТОРИЯ
и
ФИЛОЛОГИЯ
СТРАН
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА • ЛЕНИНГРАД

1 9 6 4

ОБ ОДИННАДЦАТОЙ ЧАСТИ *al-Jawab al-Kabir*
«КНИГИ СХОЛИЙ» ФЕОДОРА БАР КОНИ

Изучение идеологической жизни является немаловажной задачей при всестороннем и углубленном историческом исследовании.

Религиозные учения нередко бывали знаменем, под которым проходили социальные движения; духовенство, главным образом монастырское, являлось одним из носителей культуры, а также идеологии своего времени; в его руках были сосредоточены вопросы науки, письменности, воспитания, образования. Религиозные институты оказывали определенное влияние на жизнь общества. Трудно найти на средневековом Востоке ученого, летописца, бытописателя, поэта, просто грамотного человека, не связанного с богословским образованием.

В то же время всякие попытки выйти за рамки установленных предписаний и догматов считались ересью. Отход от церковных догм нашел свое отражение в религиозных и философских учениях.

В сокровищнице сирийской литературы¹ имеется ряд сочинений, в которых в форме, соответствующей времени их составления, освещены вопросы идеологического порядка. Одним из них является «Книга схолий», принадлежащая перу автора VIII в. — Феодору Бар Кони.

Феодор Бар Кони представляет собой одну из интереснейших личностей, оставившей ясно прослеживаемый след в сирийской литературе. Писатель и общественный деятель, он жил и творил в период, когда античное знание окончательно уступило место средневековой науке и культуре, когда завершился знаменательный процесс передачи через посредство сирийцев того, что было накоплено в ближневосточной сокровищнице, арабам, создавшим позднее мусульманскую средневековую культуру.²

¹ Относительно истории сирийской литературы см.: W. Wright. A Short History of the Syriac Literature. London, 1894; В. Райт. Краткий очерк истории сирийской литературы. Перевод с англ. Под ред. и с дополнениями П. К. Коковцова. СПб., 1902 (в дальнейшем: Райт. Сирийская литература); R. Duval. La Littérature Syriaque. IIIme éd. Paris, 1907; A. Baumstark. Geschichte der Syrischen Literatur. Bonn, 1922; J.-B. Chabot. Littérature Syriaque. Paris, 1934; I. O. de Urbina. Patrologia Syriaca. Romae, 1958.

² О значении сирийского языка, сирийцев и их культуры см.: Т. Нельдеке. Центральнорамейское (адесское) наречие, или сирийский язык (перевод с нем. из:

Бар Кони (или Бар Кевани, от перс. Кейван — названия планеты Сатурн) стал известен исследователям сирийской литературы лишь в конце XIX в. Биографические сведения, имеющиеся в его «Книге схолий» и в других источниках, довольно скудны. Даже о времени его жизни не существовало единого мнения. И. С. Ассеманий, а за ним и некоторые сириологи считали, что Феодор Бар Кони является племянником несторианского патриарха Иоанна IV, который рукоположил его в 893 г. в епископы Лашома.³ Но уже А. Понйон, первоначально придерживавшийся той же точки зрения, пришел к выводу, что И. С. Ассеманий ошибался. В подтверждение он ссылается на мосульскую рукопись сочинения Бар Кони, где в колофоне, заключающем девятую часть, имеется фраза: «Эта книга, составленная Феодором, учителем земли Кашкарской, и называемая „Книгой схолий“, закончена в 1103 году Александра» (Македонского).⁴ П. К. Коковцов также обратил внимание на ошибочность подобного мнения: он указал, что А. Баумштарк «пользовался списком с рукописи, находящейся в Алкоше, где автором сочинения в заглавии называется „Мар Феодор из земли Кашкарской“». Так как девятая книга сочинения, согласно приписке, закончена в 1103 г. Селевкидской эры (791—792 г. по Р. Х.), то «Кетаба-д-эсхوليон» не может принадлежать, как уже указал и А. Понйон, Феодору Лашомскому.⁵

Благодаря упомянутому колофону удалось достоверно установить, что Бар Кони является автором VIII в. В какой-то период времени он был монахом и «писал для своих братьев». ⁶ Затем он — «учитель земли Кашкарской», т. е. несторианский епископ г. Кашкара и одноименной области (иначе Васит, в Нижней Вавилонии, ныне на территории Ирака). А епископ Кашкарский — высокопоставленное лицо, ближайшая опора несторианского патриарха Селевкии — Ктесифона, исполнявший его обязанности, когда патриаршее место оставалось вакантным. Бар Кони имел звание магистра, был высокоэрудированным ученым для своего времени.⁷

Th. N ö l d e k e. Die Semitischen Sprachen. Leipzig, 1899); Семитские языки и народы, ч. II. Очерки и обработки А. Крымского, изд. 2-е, М., 1910; Н. В. П и г у л е в с к а я. 1) Сирийская культура средних веков и ее историческое значение. Советская наука, 1941, № 2; 2) Города Ирана в раннем средневековье. М.—Л., 1956.

³ W. W r i g h t. A Short History of the Syriac Literature, p. 158.

⁴ H. P o g n o n. Inscriptions Mandaites des Coupes de Khouabir. Paris, 1898, pp. 5, 105—106.

Так как «Книга схолий» состоит из одиннадцати частей, а колофон помещен в девятой части, что не совсем обычно, то А. Понйон предполагает, что Бар Кони после 791—792 г. вновь вернулся к своему сочинению и дописал его. Поэтому он считает, что наш автор жил еще в начале IX в.

⁵ П. К. Коковцов. Добавления к кн.: Райт. Сирийская литература, стр. 251—252.

⁶ J.-В. С h a b o t. Littérature Syriacque, p. 107.

⁷ I. O. de U r b i n a. Patrologia Syriaca, p. 202.

На его родине, в Кашкаре, говорили, вероятно, на диалекте, очень похожем на мандейский.⁸ Перу Бар Кони принадлежат многочисленные сочинения, названия которых сохранились у Абдишо, написанные, однако, на сирийском языке.⁹ Среди них церковная история и «Книга схолий», сохранившая много важных и полезных сведений об идеологической жизни и борьбе VIII в.

«Книга схолий» — единственное сохранившееся сочинение нашего автора — известно в нескольких поздних списках. Так, использованный нами сирийский текст «Книги схолий» издан А. Шером на основании трех.¹⁰

1. Пергаментный — из епископской библиотеки Сеерта; состоит из 21 части, в каждой по 20 стр.¹¹

2. На бумаге — также из епископской библиотеки Сеерта; состоит из 33 частей (330 стр.), составлен в 1539 г.; дополняет лакуны пергаментного списка.¹²

3. На бумаге — в настоящее время хранится в епископской библиотеке Амида (Дийарбекира); состоит из 26 частей (260 стр.), составлен в 1608 г. на основе второго списка.¹³

Кроме названных, существуют еще несколько списков полных или фрагментарных.¹⁴ Все известные в настоящее время списки «Книги схолий»

⁸ Н. P o g n o n. *Inscriptions Mandaites. . .*, p. 106. Мандейский язык — один из диалектов восточноарамейской ветви семитических языков. Мандеи — приверженцы возникшей в I в. н. э. секты, которая представляла смешение христианства, иудаизма и язычества. Ныне в небольшом количестве они проживают в Ираке (Васит и Басра) и в Иране (Хузистан).

⁹ Абдишо Бар Бериха (XIII—XIV вв.) — епископ Шиггара (Синджара) и Бет-Арабайе, впоследствии митрополит Нисибии, которой он обязан своим прозванием, и Армении, был очень плодовитым писателем. Наибольший интерес представляет его библиографический «Каталог книг», в котором приведены заглавия сочинений многих, в том числе сирийских, писателей.

¹⁰ Theodorus B a r K o n i. *Liber Scholiorum*, tt. I et II. Ed. Addai Scher. *Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Scriptorum syri. Textus. Series secunda. Tt. LXV—LXVI. Parisiis, 1910—1912* (в дальнейшем: Бар Кони).

¹¹ *Catalogue des Manuscrits syriaques et arabes conservés dans la Bibliothèque épiscopale de Séert. Mossoul, 1905, № 23.*

¹² Там же, № 24.

¹³ *Notice sur les Manuscrits syriaques et arabes conservés à l'évêché chaldéen de Diarbekir. Paris, 1908, № 21.* Этот список имеет колофон (Бар Кони, II, стр. 350). «Заключена с помощью господ бога отца, Иисуса мессии „Книга схолий“, которую составил мар Феодор, учитель земли Кашкарской. . . Составлена же и завершена книга эта в монастыре, который славен святостью и усердием в борьбе за истину; является прибежищем ничтожных и местом свиданий пилигримов; странноприимным местом для недужных; вместилищем добра и вместилищем чистоты, нуждающимся в отшельниках. . . Завершена эта книга (перепиской) в благословенном месяце аб (августе), 13 числа, в субботу, в году 1919 греческого летоисчисления».

¹⁴ Martin L e w i n. *Die Scholien des Theodor Bar Koni zur Patriarschen Geschichte. Berlin, 1905*; упоминается копия 1897 г., хранящаяся в Берлинской библиотеке, которая снята с Урмийского списка (см.: *Catalogue of Syriac Mss. in the Library of the Museum Association of Oroomiah College. Oroomiah, 1898, №№ 137, 138.*

являются, по-видимому, копиями единственной, хотя и старой, но неполноценной рукописи.¹⁵

Текст «Книги схолий» напечатан А. Шером вместе с разночтениями. На полях издания условными знаками отмечено, из какого списка взят тот или иной фрагмент. Текст, как правило, не имеет огласовки; диакритическими знаками отмечены лишь сильные и слабые звуки (при этом не всегда), а также глагольные формы, некоторые формы указательных местоимений, имена,¹⁶ чтобы различить лицо или породу при их одинаковом графическом начертании; множественное число отмечено двумя диакритическими точками.

«Книга схолий» посвящена брату автора Иоанну;¹⁷ она составлена в одиннадцати частях, которым предпослано введение.

Первые пять частей «Книги схолий» посвящены изложению вопросов, связанных с истолкованием Ветхого завета; последующие пять частей содержат комментарии на Новый завет и начальную историю христианства. Эти десять частей имеют чисто богословский характер, что дало Ж.-Б. Шабо основание оценить их как «любопытную компиляцию, в которой перемешаны философские, богословские, апологетические сведения».¹⁸ Поэтому они представляют интерес как определенный этап в разработке сирийцами вопросов богословия.

Особо стоит заключительная, одиннадцатая часть, благодаря содержащемуся в ней обзору различных еретических учений.

По содержанию «Книга схолий» является филологическим и теологическим комментарием к Библии, составленным в духе несторианства. Благодаря одиннадцатой части назначением этого сочинения являлось также определение различного рода «ересей».

Одиннадцатая часть «Книги схолий», резко отличающаяся по содержанию от предыдущих, посвящена описанию девяноста двух сект и ересей, имевших своих последователей на всем Ближнем Востоке, включая и Кавказ.¹⁹

В собственности А. Понйон (см.: Н. Р о г н о н. *Inscriptions Mandaites*. . .) имеются четыре списка одиннадцатой части; у А. Баумштарка — один.

¹⁵ Н. Р о г н о н. *Inscriptions Mandaites*. . ., pp. 6, 105. В пользу того, что все позднейшие списки имеют своим источником единственную старую рукопись, говорит, возможно, и проведенное нами выборочное сличение сирийского текста части одиннадцатой в издании А. Шера (по трем спискам «Книги схолий») с изданием А. Понйон (по четырем спискам части одиннадцатой), которое позволило обнаружить почти полную их идентичность.

¹⁶ Именами в сирийском языке называются части речи.

¹⁷ I. O. de U r b i n a. *Patrologia Syriaca*, p. 202.

¹⁸ J.-B. C h a b o t. *Littérature Syriacque*, p. 107. См. также: I. O. de U r b i n a. *Patrologia Syriaca*, p. 202; A. B a u m s t a r k. *Geschichte der Syrischen Literatur*, p. 218.

¹⁹ Это наше мнение, хотя у Феодора Бар Кони и нет на сей счет прямых указаний, подтверждается интересным замечанием Н. В. Пигулевой о том, что Азербайджан в VI—VII вв. являлся прибежищем всех восставших и «еретиков» (см.: Н. В. П и г у л е в с к а я. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв. М.—Л., 1946, стр. 110).

«(В е д е н и е).²⁰ В десяти предыдущих частях мы сформулировали единство замысла в составлении отдельных разделов этого сочинения; следовательно, мы соединяем (все) вместе в одно целое: и то, что от отцов, и то, что от нас, грешных (исходит).

«Таким образом, сейчас, для завершения сочинения, как мне представляется, необходимо приступить к одиннадцатой части. В этой части имеются краткие сведения о каждом из учений, которые появлялись время от времени; эти сведения почерпнуты из различных сочинений и до некоторой степени собраны нами самими. Хотя эти учения перечислены многими учителями и опровергнуты ими, я не обещаю, однако, комментировать и опровергать их. Они были хорошо раскрыты авторами во многих трудах; возможно, что суть их опровержений попала и в эту работу.

«Я полагаю правильным указать здесь лишь время и имена тех, кто их породил: во-первых, потому что этого требует построение сочинения и, во-вторых, потому, что легко будет ответить тем, кто спросит о каждом из этих учений — когда оно появилось и кто был его создателем. Действительно, он будет избавлен от того, чтобы искать указаний в книгах отцов, так как найдет рядом с собою описания безобразия (этих учений)».²¹

В основном эта часть труда сирийского автора позаимствована из книги о ересьх Епифания Кипрского, поэтому сведения, которые он дает, не всегда отчетливы, текст Епифания был ему неясен. Возможно, что он пользовался плохим сирийским переводом греческого подлинника.

Приведем некоторые характерные для сочинения Бар Кони выписки о верованиях и ересьх, которые могли быть ему известны непосредственно, о которых он мог знать из первых рук.

Так, исключительный интерес представляет параграф, посвященный учению «мага Зороастра»,²² в котором даны сведения, не известные по другим источникам. Сравнительно-историческому анализу данных Бар Кони о зороастризме посвящена статья выдающегося исследователя, ираниста Э. Бенвениста.²³ Бар Кони считает Зороастра не персом, а «иудеем из священников», который, начав свою проповедь в Самарии, впоследствии бежал в Иран. Отмечая широкое распространение зороастризма, Бар Кони упоминает, что это учение было составлено на семи языках: греческом, еврейском, гурганском, мервском, зарнакском, персидском, седжестанском.²⁴ Среди его почитателей он называет также фракийцев, ко-

²⁰ Бар Кони, II, стр. 284—285.

²¹ В действительности в изложении отсутствуют, за редким исключением, указания на время и место существования того или иного учения.

²² Бар Кони, II, стр. 295—298.

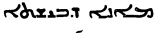
²³ E. Benveniste. Le témoignage de Théodore Bar Konay sur le Zoroastrisme. *Le Monde Orientale*, vv. 26—27. Uppsala, 1932—1933, pp. 170—215.

²⁴ Вероятно, Бар Кони имел в виду те местные языки, на которых говорили жители Гургана (Гиркании), Мерва, Седжестана. Не совсем ясно, что он подразумевал под «зарнакским языком», если только это не то же, что «седжестанский». Возможно также, что упоминание о семи языках связано с иранской традицией деления мира на семь поясов.

торые совершали обряды магов «в густом лесу Маббога». От времени жизни Зороастра и до явления Иисуса Христа автор насчитывает «шестьсот двадцать восемь лет и семь месяцев».

Бар Кони уделил много внимания Мани и его учению,²⁵ которое продолжало активно существовать и оказывать влияние на другие еретические движения вплоть до X в., например на альбигойцев, богомилов, павликиан.

Манихейство, возникшее в III в., в период кризиса рабовладельческого строя и становления феодальных форм эксплуатации, имело широкое распространение на Востоке. Это учение восприняло многие элементы зороастризма, гностицизма и христианства; его носители проповедовали аскетизм и безбрачие (в чем перекликались с катарами — «чистыми»).

Бар Кони сообщает интересную деталь о Мани: «Относительно этого нечестивого рассказывают многочисленные истории. Говорят, что он прозывался Коркобис. Так как его купили „чистые“, то сперва он узнал их учение, и из-за его склонности к ним его назвали Абрумайа. Отец его — Патик. Впоследствии „чистые“ изгнали его, так как не могли более терпеть его и дали ему имя (сосуд зла); поэтому он был прозван Мани». В этом отрывке обращает на себя внимание попытка объяснения имени ересиарха из норм сирийского языка. Бар Кони имел в виду сирийское происхождение Мани.

Этот параграф содержит ценную сводку по манихейству, что по достоинству отмечено рядом исследователей.²⁶

«О т н о с и т е л ь н о к а н т е е в. Так как ныне неразумные кантеи объявили, что свое учение они унаследовали от Авеля,²⁷ необходимо разъяснить, откуда оно появилось. После убийства Давидом героя филистимлян Голиафа последние стыдились признаваться, что их герой убит камнем, выпущенным из пращи. Они придумали ложь, будто воин, вооруженный железной палкой, вышел из лагеря иудеев, поразил его и убил. Они создали его статую и ежегодно совершали, в форме сражения, обряд убиения. Когда раскрашенные жрецы, которые являются жрецами Голиафа, выстраивались группами и становились в линию друг против друга, то раздирали свои тела железом и наносили друг другу удары железными палками. Затем двигались один за другим с символами борьбы. Потом

²⁵ Бар Кони, II, стр. 311—318.

²⁶ M. Clermont-Ganneau. Empédocle, les Manichéens et les Cathares. *Journal Asiatique*, NS, t. XV, 1900; F. Cumont. *La Cosmogonie manichéenne d'après Théodore Bar Khoni. Recherches sur le Manichéisme*, I, Bruxelles, 1908.

²⁷ А. Понйон, со ссылкой на мандейский текст, замечает: «Мне кажется очень возможным, что кантеи приписывали происхождение своей религии не Авелю, а небесной личности, называемой Хибил» (См.: Н. Pognon. *Inscriptions Mandaites*. . ., p. 220).

В связи с кантеями и мандейским языком F. Nau замечает: «Язык, который мы называем мандейским, потому что знаем его только благодаря мандейским книгам, является сакральным языком кантеев и, несомненно, многих других предшествующих сект» (См.: *Dictionnaire d'histoire et de géographie ecclésiastiques*, part II. Paris, p. 576).

один из тех, что несли железные палки, наносил удар этой статуе и пронзал ее, ибо так случилось с Голиафом, одновременно взывая к его смерти, которая подобным образом уничтожила сильного героя, слабая — мужественного. На протяжении многих лет они совершали этот обряд в специальном месте.

«Когда же Навуходоносор (I) захватил в плен филистимлян, то он разбил статую Голиафа. И отправились раскрашенные жрецы в Вавилон и создали огромную деревянную статую Голиафа, и возложили на ее голову кусок железа, как будто это шлем Голиафа. Они выстраивались в линию, один из жрецов произносил перед ней благословения, наносил себе символический удар ножом; остальные, срезав густую ветвь, подвешивали орехи и съестное. Один из жрецов, обнаженный, нес ее; чресла опоясывали кушаком из цветной шерсти. Они выходили в пустыню, метали стрелы и восклицали: „Лети, стрела!“ Все, мужчины и женщины, как плач по убиенном Голиафе, возглашали: „Таинства погублены, а я спокоен; герои уничтожены, а я спокоен“. Они совершали эти безрассудства в августе и в течение октября и ноября. Халдеи, обнаружившие в их знаках зодиака демона и возмутителя, именуемого Нергал, назвали это учение его именем; оно просуществовало до времени царя Иездигерда (II). При Перозе Баттай привнес в это учение гнусность иного рода».²⁸

Кантеи, как можно судить по словам Бар Кони, вновь появились в его время.²⁹ Упоминание имени Нергал (=Нериг) в параграфе о кантеях указывает на генетическую связь, несомненно существовавшую между последователями этих двух учений.

У ч е н и е н е р и г и т о в. Это учение берет свое начало от Каина. После смерти Каина его сыновья собрались и сказали: „Дух нашего отца Каина не имеет покоя на земле, потому что он опасается и трепещет из-за убийства Авеля“. Они построили молельню и поместили вверху пищу, чтобы дух Каина пришел и поселился там. Сыновья Каина собрались около этой молельни, как бы для погребальной церемонии, и дали своему отцу Каину имя Нериг, ибо, говорили они, наш отец жаждал успокоения. Итак, это именно Каин, которого его сыновья называли Нериг.

«Сыновья Сета также собрались вместе и сказали: „Мы тоже соорудим местопребывание для Авеля, брата нашего отца“. Они построили его и назвали „Предостережение“, потому что говорили: „Он — предостережение для нас“.

«Именно это — канта глупых кантейцев».³⁰

По поводу **كانتا** и **كانتا** существует следующее мнение: «Этот фрагмент (относительно неригитов, — Р. Г.), кажется, доказывает, что кантеи называли словом **كانتا** род храма или молельни. Что касается **كانتا** —

²⁸ Бар Кони, II, стр. 342—343.

²⁹ Сирийский автор XII в. Михаил Сириец отмечает появление кантеев в Иране при сасанидском царе Балаше (484—488) (см.: Michel le Syrien. Chronique. Ed. et. trad. par. J.-B. Chabot. T IV. Paris, 1910, p. 225).

³⁰ Бар Кони, II, стр. 347.

это, конечно, прилагательное от **ܚܢܐ**. Этимология Феодора Бар Кони, который производит **ܚܢܐ** от **ܚܢܐ** (порицание, упрек), — неверна, и я придерживаюсь мнения, что это слово, огласовка которого мне неизвестна, происходит от основы **ܚܢܐ** [ܚܢܐ — дом, жилище, **ܚܢܐ** — купол].³¹ Относительно имени Нериг или Нергал Э. Р. Пайк пишет: «Нергал. В вавилонском пантеоне — бог преисподней, правитель страны смерти, огромной подземной пещеры; в этом качестве он ассоциируется с богиней Аллату. Он был также божеством, ответственным за бедствия, войны и преследования, за силу солнца. Главным местом поклонения ему была Куфа».³² «Феодор Бар Кони не замечает, — пишет А. Понйон, — что **ܚܢܐ** является сокращенной формой слова **ܚܢܐ**, имени древнего ассирийского божества, и следует производить **ܚܢܐ** от слов **ܚܢܐ** „он желал покоя“, тогда как он рассматривает **ܚܢܐ** как имя демона. Возможно, что секта приверженцев Нергала не исчезла полностью при царе Персии Перозе (V в.), как Феодор Бар Кони, кажется, говорит, и что она существовала еще в его время».³³

В связи с поверьями неригитов (кантеев) находятся ереси каинитов и сетитов, что следует из приведенного параграфа «Учения неригитов». Не исключено, что они связаны также с гностическими учениями, например с офитами.

Труд Бар Кони занимает одно из видных мест как по времени написания, так и по значимости среди подобных работ средневековых греческих, сирийских, арабских и персидских писателей, например таких, как Ириней, Епифаний Кипрский, Евсевий Кесарийский, Бируни, Шахрагани.

Описание различных учений позволяет в какой-то степени осветить ту идеологическую борьбу на Ближнем Востоке, на фоне которой совершался процесс зарождения и становления нового строя — феодализма. Сопровождение этого процесса социальными движениями — закономерное явление. Имея в виду именно эту эпоху, Н. В. Пигулевская пишет: «Множество распрей религиозного характера были признаком социальных и политических несогласий, которые выявлялись наряду с ними».³⁴

Важность, а также полнота сведений неоднократно привлекали к этой работе внимание сириологов, которые посвятили свои исследования некоторым учениям, трактуемым Бар Кони.³⁵

³¹ Н. P o g n o n. *Inscriptions Mandaïtes. . .*, p. 228. Заметим, что сирийское

ܚܢܐ и **ܚܢܐ** имеет основное значение «быть опорой»; **ܚܢܐ** — «опора».

³² E. R. P i k e. *Encyclopaedia of Religion and Religions*. New York, 1959, p. 273.

³³ Н. P o g n o n. *Inscriptions Mandaïtes. . .*, p. 228.

³⁴ Н. В. П и г у л е в с к а я. Византия и Иран на рубеже VI—VII вв. М.—Л., 1946, стр. 111—112.

³⁵ E. V e n n e i s t e. *Le Témoignage de Théodore Bar Konay sur le Zoroastrisme*. *Le Monde Oriental*, v. 26—27. Uppsala, 1932—1933; M. C l e r m o n t - G a n n e a u. *Empédocle, les Manichéens et les Cathares*. *Journ. Asiatique*, NS, Paris, 1900, t. XV; F. C u m o n t. *La Cosmogonie manichéenne d'après Théodore Bar Khoni*. *Recherches sur le Manichéisme*. I. Bruxelles, 1908; Н. P o g n o n. *Inscriptions Mandaïtes*.

Наиболее подробно им охарактеризованы те учения, которые продолжали существовать и были известны автору как современнику. Таково, например, изложение манихейства, арианства, мессалианства, учения кантеев.

При всем старании быть объективным в изложении (это его обещание так и осталось простой декларацией), Бар Кони не избежал привнесения субъективного момента в повествование. Несторианин по вероисповеданию, все остальные течения в христианстве он полагает не истинными. С этой точки зрения одиннадцатая часть «Книги схолий» является образцом сочинения, направленного против идеологических противников. Наиболее ярко пристрастность Бар Кони проступает в параграфе, где изложена история борьбы патриарха Александрийского Кирилла против Нестория и его учения. Наш автор всячески поносит Кирилла и остальных противников своего вероисповедания и выгораживает Нестория.

Один из исследователей справедливо замечает: «Можно упрекнуть Феодора Бар Кони за частое старание высмеять секты, о которых он говорит, цитируя неясные и абсурдные фрагменты, взятые из их священных книг, вместо ясного изложения их догм читателю».³⁶

Одним из недостатков является также отсутствие (почти всегда) указаний о времени или месте распространения учений. Впрочем, путем сравнения и сопоставления фактов и личностей, упоминаемых Бар Кони, удастся установить время существования и даже возникновения некоторых сект. До некоторой степени помогает в этом отношении известная последовательность в изложении.

Отметим также тяжелый и не всегда ясный стиль и язык изложения. Обращают на себя внимание вкрапленные в текст греческие и латинские слова, транскрибированные и оставленные без перевода и объяснения.

Вопрос о том, насколько Бар Кони самостоятелен в изложении, следует считать пока не окончательно решенным. К сожалению, многие сочинения, которыми, возможно, воспользовался наш автор, не сохранились или известны в искаженных редакциях.

Основным источником для одиннадцатой части является родственное сочинение Епифания Кипрского. Но изложив учения, имеющиеся у него, Бар Кони некоторые из них дополнил, а также присовокупил ряд новых, появившихся после IV в. Э. Бенвенист³⁷ полагает, что Бар Кони воспользовался также трудами некоторых других своих предшественников, например Мелитона Сардского,³⁸ Феодора Мопсуестского,³⁹ Бар Хадбешабы Арабайя.⁴⁰ К такому заключению приводят строки, где наш автор

³⁶ Н. Р о г н о н. *Inscriptions Mandaites. . .*, p. 108.

³⁷ Е. В е н в е н и с т е. *Le Témoignage de Théodore Bar Kony. . .*, p. 174.

³⁸ Мелитон Сардский — греческий автор II в., сочинения которого существовали в сирийских переводах (напр., «Апология Мелитона»).

³⁹ Феодор Мопсуестский — греческий (византийский) автор V в., один из предшественников ересиарха Нестория.

⁴⁰ Бар Хадбешаба Арабайя — сирийский автор VI—VII вв., автор трактата «О причине основания школ».

говорит о том, что свои сведения он почерпнул не из одного источника, в котором они были бы собраны вместе, но что ему пришлось разыскивать их во многих книгах и трактатах.⁴¹

Наиболее ценны и интересны описания тех восточных сект, которые до Бар Кони были плохо известны (например, манихеи, мандеи) или вообще не упоминались (например, кантеи). Его сведения об учениях, не известных Епифанию Кипрскому, являются «драгоценными».⁴²

Свидетельства Бар Кони ценны и потому, что исходят от высокопоставленного лица несторианской церкви, хорошо знавшего и разбиравшегося в предмете своего сочинения.

Несомненно, что одиннадцатая часть «Книги схолий» благодаря содержащемуся в ней материалу является еще одним важным и ценным источником, помогающим исследователям в разработке вопросов идеологической жизни средневекового Ближнего Востока.

R. A. H u s e y n o v

A PROPOS DE LA ONZIÈME PARTIE DE «LIVRE DES SCHOLIES» PAR THÉODORE BAR KONI

Théodore surnommé Bar Koni, évêque nestorien de Kachkar, était l'auteur syrien de VIII-e siècle.

Bar Koni composa plusieurs livres, entre autres le «Livre des Scholies», qui contient onze parties, dont les dix premiers traitent de sujets théologiques et n'ont pas de grand intérêt. Il n'en est pas de même de la onzième, qui contient des notices sur quatre-vingts-douze sectes et religions antérieures et postérieures à notre ère. Il parle de plusieurs sectes orientales inconnues avant lui. Les renseignements qu'on trouve dans la onzième partie de «Livre des Scholies» sur certains sectes orientales sont très intéressants.

La onzième partie est précieuse comme une source pour les recherches d'histoire du vie intellectuelle dans le Proche Orient médiéval.

⁴¹ Бар Кони, II, стр. 284—285.

⁴² Н. Р о г н о н. Inscriptions Mandaites. . . , pp. 5, 13, 108.